

РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

УХХЛАЗ

ИЗМЕНЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Г. Н. Никонова

Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук, 199178, Россия, Санкт-Петербург, 14-я линия В.О., 39

Поступила в редакцию 30.08.2025 г.

Принята к публикации 31.10.2025 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-7

© Никонова Г. Н., 2025

Цель исследования — анализ современного состояния и перспектив трансформации сельскохозяйственного землепользования для определения направлений и угроз при вовлечении неиспользуемых земель в хозяйственный оборот. Объектом исследования выступало сельскохозяйственное землепользование в Ленинградской области как территории с высокоразвитым аграрным производством, входящей в состав Балтийского региона. Методология исследования базировалась на оценке пространственных изменений в территориальной структуре сельскохозяйственного землепользования в регионе, анализе динамики структурных сдвигов в распределении сельхозугодий, пашни и посевных площадей. Проанализированы показатели структурных сдвигов, темпы их прироста в разрезе муниципальных районов в период между Всероссийской сельскохозяйственной переписью 2006 г. и микропереписью 2021 г. Показана степень интенсивности территориальных сдвигов в сельскохозяйственном землепользовании Ленинградской области в целом за период 1990—2006, 2006—2016 и 2016—2021 гг. Выявлены особенности трансформационных процессов и их направленность по векторам «север — юг» и «центр — периферия». Рассмотрено влияние процесса урбанизации на территориальные сдвиги в сельскохозяйственном землепользовании и последствия для территорий, примыкающих к Санкт-Петербургу. Проанализированы территориальные различия и выделены три основных ареала в распределении неиспользуемых сельхозугодий на территории области. На примере северного периферийно расположенного Приозерского района показано, что при целенаправленном формировании благоприятной для землепользования системы социально-экономических и институциональных факторов сельскохозяйственные угодья могут сохранять свою ценность для агробизнеса. Определены территориальные различия в путях предотвращения вероятных угроз сельскохозяйственному землепользованию при условии сохранения существующего тренда его трансформации.

Ключевые слова:

территориальные сдвиги, муниципальные районы, ареалы, неиспользуемые земли, землепользование, Ленинградская область

Для цитирования: Никонова Г. Н. Изменения территориальной структуры сельскохозяйственного землепользования в Ленинградской области // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 4. С. 136—159.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-7

Введение

В условиях, когда развитию национального аграрного сектора придается статус стратегического приоритета, актуальность проблем эффективного использования ресурсов не только не уходит с повестки дня, но и значительно усиливается. При этом растет значимость их первоочередного решения в территориальном аспекте, так как это, в частности, определяет особенности и степень оптимальности размещения аграрного производства по территории страны.

В период рыночной экономики в аграрном секторе Российской Федерации произошли существенные территориальные сдвиги, породившие риски в сельскохозяйственном землепользовании, чему способствовал целый ряд предпосылок институционального и социально-экономического характера. Прежде всего был осуществлен поэтапный переход от исключительно государственной формы собственности на землю к многообразию ее видов, от полного доминирования колхозов и совхозов в землепользовании к широкому спектру пользователей, включая различные организационно-правовые формы сельскохозяйственных организаций, крестьянские (фермерские) хозяйства, индивидуальных предпринимателей и др.

Переход был осуществлен путем раздела сельскохозяйственных угодий колхозов и совхозов на земельные доли, которые получили их работники и представители сельской интеллигенции вместе с правом распоряжения ими. Тем самым был запущен неэффективный механизм землепользования, представляющий собой «институциональную ловушку» [1]. Земельные доли не были выделены на местности, но стали предметом не только их аренды, но и купли-продажи, что позволило девелоперам в пригородных районах скопать земельные участки под строительство жилых домов, коммерческих зданий, объектов инфраструктуры, выводя их из сферы сельскохозяйственного землепользования. Это резко активизировало процесс урбанизации, который до перехода к рыночной экономике всячески сдерживался властными структурами, прежде всего путем лимитирования прописки в городах.

Таким образом, однонаправленные векторы земельной реформы и урбанизации усилили друг друга, разрушая сельскохозяйственное землепользование и порождая рост концентрации населения в городах. Земельные доли на остальной территории регионов либо способствовали аккумулированию земельных ресурсов крупными землевладельцами типа «Мираторг», «Агрокомплекс им. Н. И. Ткачева», «Русагро», «ГК Эко-Нива» и др., либо выбывали из хозяйственного оборота в районах с неблагоприятным местоположением. В отдаленных от городских центров районах, особенно на депрессивных территориях, земельные доли оказались невостребованными, колхозы и совхозы обанкротились, а новые производители сельскохозяйственной продукции не появились.

Совокупность данных предпосылок и специфика рыночных отношений привели к тому, что значительная часть земель сельскохозяйственного назначения и в особенности сельскохозяйственных угодий оказалась выбывшей из хозяйственного оборота. По данным на 1 января 2021 г., площадь неиспользованных земель сельскохозяйственного назначения в целом по стране составляла 44,5 млн га, или 11,7 % от их общей площади. Удельный вес неиспользуемых сельскохозяйственных угодий еще выше — 16,7 % (33,0 млн га).¹ Вследствие остроты ситуации, в мае 2021 г.

¹ Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2023 году, 2024, М., ФГБНУ Росинформагротех, URL: <https://cloud.mail.ru/public/k5yz/RJzLaBcqV> (дата обращения 15.06.2025).

была принята специальная Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации.¹

Следует отметить, что распределение неиспользуемых земель имеет четко выраженный пространственный аспект, связанный с региональной спецификой природных и социально-экономических особенностей землепользования. Вариация удельного веса выбывших из оборота сельскохозяйственных угодий во всей их площади по федеральным округам (ФО) Российской Федерации на начало 2024 г. составила от 1,3% (Северо-Кавказский ФО) до 58% (Северо-Западный ФО), по субъектам Федерации — от 0,0% (Ставропольский край, Республика Ингушетия) до 78,9% (Тверская область). Причем, несмотря на тенденцию сокращения удельного веса неиспользуемых сельскохозяйственных угодий, в том числе пашни в целом по Российской Федерации, он остается достаточно высоким в субъектах Федерации, входящих в Северо-Западный федеральный округ. Также достаточно дифференцированы данные показатели землепользования и в пределах российской части Балтийского региона: Калининградская область — 32,8%, Ленинградская — 31,3%, Новгородская — 54,8%, Псковская — 75,5%. Это требует регионального подхода в исследовании перспектив эффективности мероприятий в ходе реализации Госпрограммы с учетом произошедших в годы рыночных реформ территориальных структурных сдвигов и вероятных угроз при вовлечении в оборот заброшенных земель, чему и посвящена данная статья.

Обзор литературных источников

При изучении литературных источников по данной теме выяснилось, что основной всплеск активности публикаций о территориальных сдвигах в сельскохозяйственном землепользовании, которые привели к неоднозначным последствиям и рискам для аграрного производства, был характерен для 2012—2020 гг. Причем особо следует выделить период после Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., когда появилась новая информация о состоянии земельных ресурсов и их использовании, в то время как после 2020 г. в печати можно найти лишь отдельные работы. Все публикации, в которых представлены территориальные аспекты сельскохозяйственного землепользования, можно объединить в три группы: рассматривающие усиление межрегиональных различий; посвященные влиянию урбанизации на землепользование; исследующие проблемы заброшенных земель.

Усиление межрегиональных различий. Трансформацию сельскохозяйственного землепользования в регионах России в ходе современных социально-экономических реформ рассмотрел М. А. Казымин [2]. Его исследования показали, что наиболее активно трансформационные процессы проходили в Европейской части России, начиная от освоенных регионов центра страны на севере и до лесостепей и степей на юге, а также на юге Сибири и Дальнего Востока. В результате произошедших изменений зафиксированы процесс концентрации посевных площадей в пределах степной и сухостепной природных зон Европейской России, динамика распределения площадей сельскохозяйственных угодий и пашни по экономическим районам Российской Федерации.

Проблемы трансформации сельскохозяйственных земель Европейской части России с точки зрения эколого-экономической оценки анализируются Г. Д. Мухиным. В его статье рассмотрены территориальные особенности трансфор-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 г. № 731, 2021, URL: <http://government.ru/docs/all/134619/> (дата обращения 15.06.2025).

мации землепользования в разрезе федеральных округов с выделением отдельно Нечерноземной зоны России, в которой отмечены высокие темпы сокращения площадей сельскохозяйственных угодий, пашни и посевов. Показано, что многие изменения в межрегиональном отношении просматриваются в направлении «север — юг», а внутри регионов — по вектору «центр — периферия». Динамика изменений при продвижении с севера (Нечерноземная зона) на юг (зона степей) становится более позитивной: в меньшей степени сократились посевные площади (в том числе зерновых культур). При этом в большинстве регионов Нечерноземья отмечена поляризация масштаба их сокращения в координатах «центр — периферия» [3].

Результаты пространственного анализа факторов и последствий трансформации сельскохозяйственного землепользования в условиях Смоленской области на локальном уровне — сельских поселений — представлены в статье Е. Ю. Колбовского, О. А. Климановой и И. М. Бавшина [4]. Авторы статьи выявили, что в пространственном отношении дифференциация процессов зарастания земель в масштабе сельских поселений наиболее активно проявляется на расстоянии 30 км к северу и югу от основных федеральных автомагистралей, проходящих через регион, а степень освоенности земель меняется волнообразно в направлении с востока на запад, определяя чередование ареалов более залесенных и более сельскохозяйственных поселений.

Н. М. Скобеев исследовал тенденции в изменении землепользования в Тульской области на основе сопоставления показателей Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг., а также данных Росреестра и, несмотря на не всегда их соответствие друг другу, смог прийти к выводу об усилении внутриобластной поляризации землепользования. Так, в северных районах области, примыкающих к Московской агломерации, была установлена отрицательная динамика площадей сельскохозяйственных угодий, чему способствовала смена функционального использования земель, а в южных районах — концентрация пахотных угодий. При продвижении с юга и юго-востока региона на север и северо-запад была выявлена тенденция роста площадей неиспользуемых земель [5].

Влияние урбанизации на землепользование. Процесс урбанизации формирует комплекс проблем землепользования в пригородной зоне крупных агломераций, в том числе крупнейших Московской и Санкт-Петербургской. При этом в различных публикациях по данному вопросу делаются схожие выводы о том, что урбанизация, рост площади городов, промышленных и застроенных территорий приводят к сокращению площади сельскохозяйственных угодий, а также выбытию земель из аграрного оборота, что сельскохозяйственные предприятия не выдерживают конкуренции за землю с организациями с альтернативными видами землепользования [6—8].

Данная ситуация характерна практически для всех стран мира, прежде всего для Китая, где отмечаются высокие темпы урбанизации, которые предопределяют конкуренцию городских территорий за высокопродуктивные пригородные сельскохозяйственные земли, что приводит не только к их сокращению, но и к выбытию плодородных сельскохозяйственных угодий [9].

Об оставленных без обработки сельскохозяйственных землях в пригородах городов в научных публикациях можно встретить данные относительно различных стран мира. Так, ученые из Италии [10] указанные пространства на периферии городов между застроенными районами и сельскохозяйственными землями называют маргинальными. Здания, сооружения, объекты инфраструктуры разрастающихся городов вторгаются в сельскохозяйственные угодья, фрагментируя их и приводя к образованию значительного количества земель, которые представляют собой «пустоты на окраинах города» и будут неумолимо

поглощены или преобразованы урбанизацией. Авторы предлагают такие земли использовать для отдыха городских жителей, оказания сельскохозяйственных услуг, местного производства товаров, сокращения выбросов парниковых газов, сохранения биоразнообразия.

Урбанизация также отрицательно влияет на землепользование в отдаленных периферийных районах, формируя там ареалы покинутых земель. Данная закономерность характерна для многих стран и описывается на примере городской агломерации в дельте р. Чжуцзян (Китай) [9], где под влиянием процесса урбанизации, вызванной быстрой промышленной трансформацией и модернизацией, произошел большой приток сельских жителей в городские районы, что способствовало заброшенности сельскохозяйственных угодий на периферии.

Проблемы заброшенных земель. Т. Г. Нефедова и А. А. Медведев исследовали вопросы сельскохозяйственного землепользования во взаимосвязи с процессом сжатия уже освоенного пространства в Центральной России. Сделан вывод, что в данном макрорегионе крупноареальная система земледелия и расселения под влиянием сужения освоенного пространства преобразовывается в более очаговую. При этом ставятся вполне прагматичные вопросы: «Какие очаги могут стать драйверами развития? Какая экономика может в них развиваться? Что может быть на тех территориях, откуда уходят население и сельское хозяйство?» [11].

Сжатие освоенного пространства напрямую связано с проблемой отказа от использования сельскохозяйственных земель, то есть их запустения, которое может быть обусловлено как социально-демографическими, экономическими, технологическими, политическими и институциональными, так и культурными факторами. Рациональное экономическое поведение в целях максимизации прибыли и увеличения альтернативных издержек из-за особенностей сельского хозяйства предопределяет в большинстве случаев отказ от маргинальных земель [9].

В статье [12] изложены результаты исследования, которое проводилось с использованием спутниковых классификаций изменений в сельскохозяйственном землепользовании, а также социально-экономических и агроклиматических данных на материалах Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской и Смоленской областей, входящих в Нечерноземную зону. Среди факторов, предопределяющих пространственное распределение заброшенных земель, авторы выделяют основные: низкую сельскохозяйственную продуктивность; местоположение участков вблизи кромки леса или изолировано внутри лесных массивов; удаленность от центров муниципальных образований, населенных пунктов с людностью более 500 чел. и рынков сбыта. В то же время сделан вывод, что биофизические факторы достаточно мало влияют на пространственное распределение заброшенных земель.

Исследования показали тенденцию заброшенности сельскохозяйственных земель на агроклиматически и социально маргинальных для агробизнеса территориях, которые удалены от рынков сбыта сельскохозяйственной продукции и/или имеют отрицательные тренды демографических показателей [13]. Обратный процесс — вовлечение в оборот сельскохозяйственных земель — с точки зрения экономики достаточно хорошо объясняется теорией земельной ренты Давида Рикадо, когда в первую очередь осваиваются неиспользуемые земельные участки, имеющие лучшее местоположение (вблизи населенных пунктов), более плодородные почвы при условии наличия рабочей силы [14; 15].

Вместе с тем решения о перспективах рекультивации тех или иных заброшенных участков формируются в зависимости от особенностей субъектов предпринимательской деятельности, их результивности, биофизических и природных

условий, оценки перспективности использования того или иного участка и, что важно, от намерений освоения и вовлечения в оборот заброшенных сельхозугодий [14].

Говоря о неиспользуемых землях, академик РАН А. А. Чибилёв отмечает, что в степной зоне России возникла необходимость повторного освоения малонаселенных территорий с использованием новых форм землепользования. Речь идет «о реализации проектов диверсификации аграрного производства и развитии природоохранной, экосистемной, рекреационной и аграрной функций невостребованного земельного фонда: развитие мясного животноводства, пастбищного скотоводства и табунного коневодства, агротуризма, создание степных особо охраняемых природных территорий (в том числе трансграничных) и т. д.» [16].

Поиски альтернативных видов (без распашки) использования заброшенных земель ведутся в различных странах. Например, на необрабатываемых землях лесных районов Северной, Центральной и Южной Швеции К. И. Кумм и А. Хессле после экономической оценки альтернативных вариантов предложили организовать производство органической говядины [17].

Альтернативный взгляд на проблему неиспользуемых сельскохозяйственных земель имеет член-корреспондент РАН Ю. А. Цыпкин с идеей реализации на этих землях климатических проектов. Речь идет о проектах по созданию углеродных единиц и продаже их на углеродном рынке организациям, которые хотят компенсировать свои выбросы [18]. Данная идея подтверждается зарубежными публикациями, в которых указывается на взаимосвязь между сельскохозяйственным землепользованием и изменением климата и на то, что перевод пахотных земель в пастбища или леса будет способствовать восстановлению и накоплению запасов органического углерода [19; 20]. Вместе с тем отмечается, что для обеспечения стабильного поглощения углерода после прекращения сельскохозяйственной деятельности заброшенными сельскохозяйственными землями необходимо управлять, учитывая при этом множество факторов, таких как методы землепользования в прошлом и будущем, местные климатические условия, качество почвы и содержание углерода в ней [21]. Таким образом, для решения проблемы заброшенных (неиспользуемых) сельскохозяйственных угодий есть несколько путей: возвратить их в хозяйственный оборот по назначению, использовать для организации альтернативных видов деятельности либо превратить в полигон для производства углеродных единиц.

На основе рассмотрения публикаций по трансформации распределения сельскохозяйственных земель можно сделать вывод, что в данном процессе существует ряд закономерностей, которые позволяют спрогнозировать развитие ситуации в будущем. При этом, как представляется, следует выделить следующие закономерности:

- трансформация земель сельскохозяйственного назначения осуществляется по векторам «север — юг» и «центр — периферия»;
- трансформация земель на локальном уровне происходит в зависимости от близости сельскохозяйственных угодий к лесным опушкам и федеральным автострадам;
- движущей силой трансформации является процесс урбанизации, предопределяющий ситуацию с сельскохозяйственным землепользованием в пригородных, периферийных и срединных районах;
- формой выражения территориальной трансформации является динамика структуры сельскохозяйственного землепользования;
- трансформация сельскохозяйственного землепользования в условиях рыночных отношений сжимает и фрагментирует сельское пространство;

- наилучшим индикатором трансформации сельскохозяйственного землепользования выступает динамика посевных площадей всех сельскохозяйственных культур;
- проблемным следствием территориальной трансформации сельскохозяйственного землепользования является наличие заброшенных (неиспользуемых) земель;
- детерминанты роста площадей заброшенных земель определяются совокупностью социально-демографических, экономических, технологических, политических, институциональных, мотивационных и иных факторов;
- неиспользуемые сельскохозяйственные земли должны быть объектом управления и каждый земельный участок в зависимости от социально-экономической и экологической эффективности должен быть использован в сельском хозяйстве или в иных альтернативных видах деятельности.

С учетом изложенного целью исследования является анализ современного состояния и перспектив территориальной трансформации сельскохозяйственного землепользования для определения направлений и угроз при вовлечении неиспользуемых земель в хозяйственный оборот.

Задачи исследования:

- определить территориальные структурные сдвиги в сельскохозяйственном землепользовании;
- установить влияние урбанизации на факторы и закономерности территориальной трансформации сельскохозяйственного землепользования;
- выявить детерминанты и закономерности территориального распределения заброшенных земель;
- установить угрозы сельскохозяйственному землепользованию при условии сохранения существующего тренда трансформации и предложить пути их предотвращения.

Объектом исследования выступает сельскохозяйственное землепользование в Ленинградской области как региона с высокоразвитым аграрным производством, воспроизводственные процессы в сельскохозяйственном производстве которого также находятся под воздействием последствий неблагоприятных условий рыночных преобразований. Предмет исследования — закономерности территориальной трансформации в использовании сельскохозяйственных угодий региона.

Материалы и методы

Исследование проведено на основе материалов Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг. (ВСХП-2006¹ и ВСХП-2016)² и сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.³ Дополнительно использовались статистические данные Росстата, Ленинградского областного и городского управлений статистики, а также Петростата.

¹ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по муниципальным районам Ленинградской области (по краткой программе), 2007, Статистический сборник, Санкт-Петербург, Петростат, 112 с.

² Окончательные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, 2017, Т. 3. Земельные ресурсы и их использование, URL: <https://78.rossstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom+3.+Zemельные+ресурсы+и+их+использование..pdf> (дата обращения: 15.06.2025).

³ Основные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года по Ленинградской области, 2022, Официальная публикация, Санкт-Петербург.

Для определения изменений территориальной структуры в сельскохозяйственном землепользовании в целом по Ленинградской области применялся индекс (критерий) Рябцева [22—24]:

$$I_R = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_{i_1} - d_{i_0})^2}{\sum_{i=1}^n (d_{i_1} + d_{i_0})^2}},$$

где d_{i_1} — доля районов в общеобластных показателях площади сельхозугодий, пашни и посевов в исследуемом периоде (2021); d_{i_0} — доля районов в общеобластных показателях площади сельхозугодий, пашни и посевов в базисном периоде (2006).

Для оценки меры существенности изменения территориальных структур использовалась шкала, предложенная В. М. Рябцевым.

Шкала оценки меры структурных различий по критерию Рябцева

Интервалы значений коэффициента	Характеристика меры структурных различий
До 0,030	Тождественность структур
0,031—0,070	Весьма низкий уровень различий
0,071—0,150	Низкий уровень различий
0,150—0,300	Существенный уровень различий
0,301—0,500	Значительный уровень различий
0,501—0,700	Весьма значительный уровень различий
0,701—0,900	Противоположный тип структур
0,901 и более	Полная противоположность структур

Пространственные изменения в распределении сельхозугодий, пашни и посевных площадей определялись на основе показателей структурных сдвигов, произошедших между ВСХП-2006 и сельскохозяйственной микропереписью 2021 г.

В качестве аналитических показателей структурных сдвигов выступали:

- абсолютный прирост структурных сдвигов, п. п. ($d_{i_1} - d_{i_0}$);
- темперы прироста структурных сдвигов, %:

$$K_d = (d_{i_1}/d_{i_0} \cdot 100) - 100.$$

Результаты

Территориальные структурные сдвиги в сельскохозяйственном землепользовании Ленинградской области

В результате земельной реформы в сельскохозяйственном землепользовании региона произошли принципиальные изменения: возникли новые категории товаропроизводителей — крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ) и индивидуальные предприниматели (ИП), при этом снизилась значимость сельскохозяйственных организаций (СХО) и личных подсобных хозяйств населения (ЛПХ). По данным ВСХП-2006, общая площадь земель, находящихся в пользовании КФХ и ИП, составляла 56,5 тыс. га, или 3,5 % от хозяйств всех категорий Ленинградской области. Причем в землепользовании КФХ и ИП почти вся земельная площадь (98,4 %) приходилась на сельскохозяйственные угодья, удельный вес которых за период между сельхозпереписями 2006 и 2021 гг. увеличился с 9,2 до 10,4 %.

Для определения зависимости структуры землепользования по категориям хозяйств, которая во многом связана с размерами сельскохозяйственных угодий, нами была выполнена группировка муниципальных районов Ленинградской области (табл. 1).

Таблица 1

Структура распределения сельскохозяйственных угодий по категориям хозяйств в зависимости от их площади в районах Ленинградской области, по данным сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.

Группа районов	Группировочные признаки, тыс. га	Число районов	Доля, %		
			СХО	КФХ и ИП	ЛПХ и другие индивидуальные хозяйства граждан
I	До 10	4	33,6	46,2	20,2
II	10–20	6	82,7	9,5	7,8
III	Свыше 20	7	83,9	8,1	8,0
<i>Всего и в среднем по области</i>		17	81,1	10,4	8,5

Разработано на основе материалов сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.

Как следует из данных таблицы 1, в группе I районов с землепользованием до 10 тыс. га (преимущественно северо-восточные и восточные) доминируют КФХ и ИП при значительной доле ЛПХ и других индивидуальных хозяйства граждан. В последующих группах районов удельный вес КФХ и ИП снижается, а сельскохозяйственных организаций растет.

Относительно территориальной структуры сельскохозяйственного землепользования нами прежде всего была проведена оценка интенсивности степени ее изменения в целом по Ленинградской области по периодам начиная с 1990–2006 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Интенсивность территориальных сдвигов в сельскохозяйственном землепользовании хозяйств всех категорий Ленинградской области (по методике В. Рябцева)

Вид угодий	1990–2006	2006–2016	2016–2021	1990–2021
Сельхозугодья	Низкая	Низкая	Низкая	Существенная
Пашня	Низкая	Низкая	Низкая	Существенная
Посевные площади всех сельскохозяйственных культур	Существенная	Существенная	Существенная	Существенная

Разработано на основе материалов Леноблгорстата и ВСХП-2006 и ВСХП-2016.

Данные таблицы 2 вполне реально отражают ситуацию с трансформацией в сельскохозяйственном землепользовании, так как площади сельхозугодий, в том числе пашни на отдельных временных промежутках, меняются незначительно. Только сравнение 2021 г. с 1990 г. показало наличие существенных изменений территориальной структуры. Причем следует заметить, что эти структурные изменения происходят исключительно в связи с различиями в темпах динамики рассматриваемых площадей.

Интенсивность территориальных сдвигов в размещении посевных площадей на протяжении всех выделенных периодов была существенной. Это подтвердило

вывод, сделанный нами на основе литературного обзора, о том, что наилучшим индикатором трансформации сельскохозяйственного землепользования является динамика посевных площадей всех сельскохозяйственных культур.

Наибольшие изменения территориальной структуры происходили у сельскохозяйственных организаций как основных землепользователей. Группировка муниципальных районов по темпам отрицательного прироста площадей сельхозугодий, пашни и посевов между ВСХП-2006 и сельскохозяйственной микропереписью 2021 г. позволила выявить закономерности их территориальной концентрации и произошедшие структурные сдвиги (табл. 3).

Таблица 3

Территориальная структура и структурные сдвиги в распределении сельхозугодий, пашни и посевных площадей в сельскохозяйственных организациях Ленинградской области по группам муниципальных районов, выделенных в зависимости от темпов прироста их площадей в период между ВСХП-2006 и сельскохозяйственной микропереписью 2021 г.

Группа районов	Число районов	Темп прироста, %	Доля от итога по региону, %			Структурные сдвиги		Темп прироста структурных сдвигов, %
			2006	2016	2021	2016 / 2006	2021 / 2006	
<i>Сельскохозяйственные угодья</i>								
I	6	До – 50	38,8	48,3	52	9,5	13,2	34,0
II	5	От – 50 до – 60	34,6	35,5	35,1	0,9	0,5	1,4
III	6	Ниже – 60	26,6	16,2	12,9	– 10,4	– 13,7	– 51,5
<i>Пашня</i>								
I	5	До – 20	20,4	30,2	29,2	9,8	8,8	43,1
II	7	От – 20 до – 70	61,1	60,1	63,4	– 1	2,3	3,8
III	5	Ниже – 70	18,5	9,7	7,4	– 8,8	– 11,1	– 60,0
<i>Посевные площади всех сельскохозяйственных культур</i>								
I	6	До – 10	35,4	43,5	43,0	8,0	7,6	21,5
II	6	От – 10 до – 20	48,6	46,2	47,6	– 2,4	– 0,9	– 2,1
III	5	Ниже – 20	16,0	10,4	9,4	– 5,6	– 6,6	– 41,3

Разработано на основе данных ВСХП-2006, ВСХП-2016 и сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.

На рисунке 1 представлены территориальные различия муниципальных районов Ленинградской области в темпах прироста и структурных сдвигах сельскохозяйственных угодий в СХО в период между ВСХП-2006 и сельскохозяйственной микропереписью 2021 г.

Исходя из данных таблицы 3, можно констатировать, что группа I районов Ленинградской области отличается менее низкими темпами сокращения площадей сельхозугодий (1-й критерий), пашни (2-й критерий) и посевных площадей (3-й критерий), наиболее высокой долей в территориальной структуре сельхозугодий и высокой (на уровне группы II) – посевных площадей, а также положительными показателями структурных сдвигов и высокими темпами их прироста в периоды между ВСХП-2006, ВСХП-2016 и сельскохозяйственной микропереписью 2021 г.

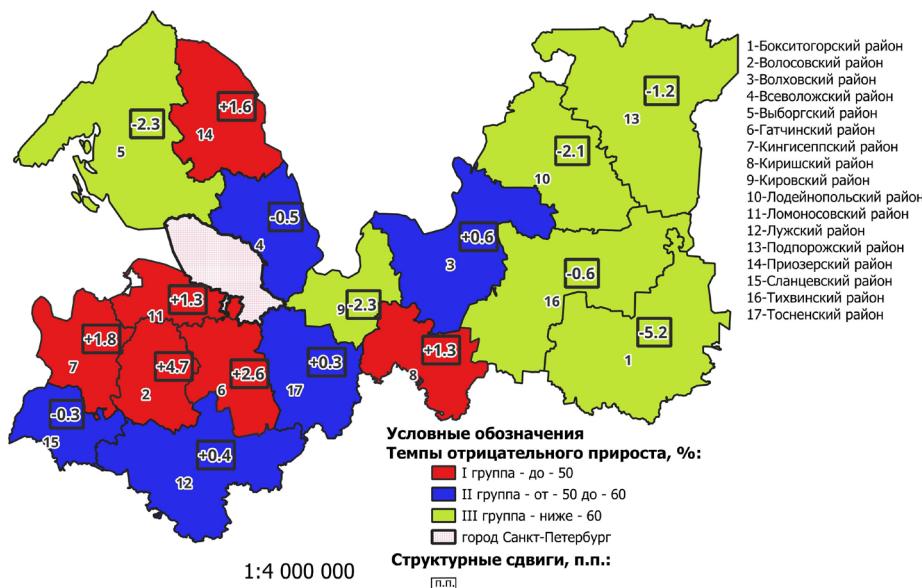

Рис. 1. Территориальные различия муниципальных районов в темпах отрицательного прироста сельхозугодий в СХО Ленинградской области и структурных сдвигах в период между ВСХП-2006 и сельскохозяйственной микропереписью 2021 г.

Разработано на основе данных ВСХП-2006, ВСХП-2016 и сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.

Группа II характеризуется средними темпами сокращения площадей по всем трем критериям, самыми высокими показателями в территориальной структуре площадей пашни (свыше 60 % общеобластных показателей) и посевов, а также минимальными значениями как положительных, так и отрицательных структурных сдвигов, крайне низкими темпами их прироста.

Группа III отличается самыми высокими темпами сокращения площадей сельхозугодий, пашни и посевных площадей, их низким удельным весом в общеобластных показателях, высокими значениями отрицательных структурных сдвигов в периоды между переписями и самыми высокими темпами их прироста.

Сопоставление результатов группировки по сельхозугодьям, пашне и посевным площадям показывает следующее:

1. К группе I по всем критериям относятся Кингисеппской и Приозерский районы, по двум из трех — Киришский, Сланцевский и Тосненский. Кингисеппской и Сланцевский районы образуют один ареал.

2. К группе II по всем критериям относится только Волховский район, но в нее следует включить Волосовский, Волховский, Всеволожский, Гатчинский, Ломоносовский и Лужский районы, которые по двум критериям из трех входят в эту группу. Примечательно, что Волосовский, Гатчинский, Ломоносовский и Лужский районы также образуют единый ареал.

3. По всем критериям к группе III относятся пять районов (Бокситогорский, Выборгский, Кировский, Лодейнопольский и Подпорожский). При этом Бокситогорский, Лодейнопольский и Подпорожский районы образуют единый ареал, к которому примыкает Тихвинский район, входящий в группу III по первому и третьему критерию и близкий к ним по второму.

Из вышесказанного следует, что обозначенные темпы роста ведут к сокращению площадей сельхозугодий (в том числе пашни) и посевных площадей во всех выделенных группах. Наиболее высокими темпами уменьшение площади землепользования происходит в северных и северо-восточных районах области, а также в примыкающем к Санкт-Петербургу Кировскому району, а также в Выборгском районе, расположенному на северо-западе региона. Районы к югу от Санкт-Петербурга за анализируемый период в большей степени сохранили масштабы землепользования.

Таким образом, как отмечают относительно различных регионов другие авторы, территориальные сдвиги в землепользовании Ленинградской области также осуществляются по вектору «север — юг». Исключение составляет Приозерский район, расположенный на северо-западе региона, который по всем критериям входит в группу I.

Влияние вектора «центр — периферия» на трансформацию сельскохозяйственного землепользования противоречиво: примыкающий к Санкт-Петербургу Кировский район входит в группу III районов с самыми отрицательными показателями динамики территориальной структуры в землепользовании. С другой стороны, по показателям сохранения площади сельскохозяйственных угодий Ломоносовский и Гатчинский районы, примыкающие к Санкт-Петербургу с юга, входят в группу I, а Всеволожский и Тосненский — только в группу II.

Влияние урбанизации на территориальные сдвиги в сельскохозяйственном землепользовании

Процессы урбанизации в Ленинградской области развиваются прежде всего в районах, примыкающих к Санкт-Петербургу: Всеволожском, Гатчинском, Кировском, Ломоносовском и Тосненском, в которых в совокупности численность городского населения от дреформенного периода до начала 2024 г. увеличилась на 813,9 тыс. чел. Темп роста составил 184,2 %, в то время как в остальных районах области произошло его снижение (90,4 %). Во всех пригородных районах произошел прирост городского населения от 10,6 % (Кировский район) до 333,8 % (Всеволожский район), а на остальной территории области население городов и поселков городского типа сократилось почти на 10 % (рис. 2).

Рис. 2. Темпы роста городского и сельского населения в муниципальных районах (МР), примыкающих к Санкт-Петербургу, и остальных районах Ленинградской области в период с 1989 по 2024 г., %

Разработано на основе данных Всесоюзной переписи населения 1989 г. и данных Росстата на 1 января 2024 г.

Процесс урбанизации оказал сильное влияние и на динамику сельского населения, которое выросло во всех пригородных районах в целом на 48 %, а в остальных — всего на 1,6 %. Данная ситуация заставляет по-новому смотреть на место пригородных хозяйств в системе сельскохозяйственного землепользования. Если в недалеком прошлом считалось, что местоположение вблизи крупного города способствовало интенсивному сельскохозяйственному производству, и земли, на которых оно велось, эффективно охранялись государством, то в связи с бурным развитием процесса урбанизации ситуация изменилась. С ростом городов быстрыми темпами стали возникать новые промышленные предприятия и объекты производственной и транспортной инфраструктуры (кольцевая автодорога, складское хозяйство, оптовая торговля, логистические центры, индустриальные парки и др.), вытесняя сельскохозяйственное производство с занимаемых сельхозугодий [25]. Например, ЗАО «Племенной» завод «Ручьи» только в связи со строительством КАД вокруг Санкт-Петербурга потерял 1020 га плодородной пашни и после многолетних поисков земель в Псковской области и Кировском районе Ленинградской области приобрело земельные участки в Лужском районе, перебазировав туда часть своего производства из пригорода [7].

Новым явлением также стали коттеджные поселки, возводимые на пригородных землях (табл. 4).

Таблица 4

Изменение количества СХО, площади сельхозугодий в них и количества коттеджных поселков в муниципальных районах Ленинградской области, примыкающим к Санкт-Петербургу

Муниципальный район	1990		2021 (данные сельскохозяйственной микропереписи)		Темпы сокращения площади сельхозугодий, 2021/1990, %	Количество коттеджных поселков, на 1 января 2025 г., ед.
	Число совхозов и птицефабрик, ед.	Площадь сельхозугодий, га	Число СХО, не относящиеся к субъектам малого предпринимательства, ед.	Площадь сельхозугодий, га		
Всеволожский	12	31 289	14	5496	82,4	240
Гатчинский	21	56 348	13	15 433	72,6	44
Кировский	7	23 960	6	1730	92,8	21
Ломоносовский	19	41 919	8	7951	81,0	81
Тосненский	13	46 644	10	9249	80,2	24
<i>Всего</i>	<i>72</i>	<i>200 160</i>	<i>51</i>	<i>39 859</i>	<i>80,1</i>	<i>410</i>

Рассчитано на основе данных Леноблгорстата¹, сельскохозяйственной микропереписи 2021 г. и официального сайта «Загородная недвижимость в Ленинградской области и Санкт-Петербурге².

¹ Основные показатели производственно-хозяйственной деятельности совхозов Ленинградской области в 1990 году, 1991, Статистический сборник, Л., 307 с.

² Коттеджные поселки в Ленинградской области, 2025, URL: <https://zagorod.spb.ru/kottedjnie-poselki/leningradskaya-obl/rayon-vsevolozhskiy-lo?page=13> (дата обращения: 15.06.2025).

Как следует из данных таблицы 4, из районов, примыкающих к Санкт-Петербургу, в наибольшей степени урбанизация повлияла на сельскохозяйственное землепользование во Всеволожском районе, на территории которого только за последние 9 лет появились четыре города: Бугры, Колтуши, Кудрово, Мурино и поселок городского типа Янино-1. Несколько ранее — в 1998 г. — статус города получил пос. Сертолово. Общая численность населения в этих городах и поселке, по данным Петростата, на начало 2025 г. составила 398,3 тыс. чел.¹ Часть земель сельскохозяйственного назначения ушла под коттеджную застройку, масштабы которой на территории Всеволожского района были на порядок выше, чем в других пригородных районах Ленинградской области. Вследствие урбанизации площадь сельхозугодий в сельскохозяйственных организациях Всеволожского муниципального района сократилась в 5,6 раза, из 12 СХО в 1990 г. в реестре на 31 января 2024 г. значились только 7 крупных сельскохозяйственных организаций.

В меньшей степени последствия процесса урбанизации затронули остальные пригородные районы. Тем не менее, например, в Тосненском районе за период реформ полностью прекратили свою деятельность бывшие молочно-овощеводческие совхозы «Шушары», «Ленсоветовский», «Федоровское», а их сельхозугодья площадью свыше 12 тыс. га выбыли из системы сельскохозяйственного землепользования. Также резко сократились площади сельхозугодий в бывшем «Совхозе им. Тельмана», а его центральная усадьба — пос. Тельмана — в 2024 г. получила статус города.

Проблема неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения

Всероссийские сельскохозяйственные переписи в отношении неиспользуемых земель приводят данные только по объектам переписи, а заброшенные земли, то есть находящиеся вне границ землепользования сельскохозяйственных производителей, остаются при этом без учета. В свою очередь, в «Докладе о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2023 году» помещены данные о всех неиспользуемых и заброшенных землях на территории каждого региона. Сведения о таких землях предоставляются в Министерство сельского хозяйства РФ субъектами Федерации, и они заметно отличаются от материалов сельскохозяйственных переписей. Так, если, по результатам сельскохозяйственной микропереписи 2021 г., доля неиспользуемых сельскохозяйственных угодий в Ленинградской области составляла 21,4 %, то в указанном докладе Минсельхоза России — 47,4 %. И это вполне объяснимо, так как с 1990 г. число основных товаропроизводителей — сельскохозяйственных организаций как субъектов переписи — в северо-восточных и восточных районах региона резко сократилось. Например, в Бокситогорском, Лодейнопольском, Подпорожском районах не осталось ни одного бывшего сельхозпредприятия, в то время как сельскохозяйственные угодья на их территориях остались, превратившись в статус заброшенных.

В целом по Ленинградской области в межпереписной период 2016—2021 гг. доля неиспользуемых земель выросла. Вместе с тем отмечаются существенные территориальные различия (табл. 5, рис. 3).

¹ Письмо Петростата о согласовании бланков служебных документов, 2025, URL:<https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ЛО%20числ%20на%2001.01.2025%20по%20МО%20.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).

Таблица 5

**Группировка районов Ленинградской области
по удельному весу неиспользуемых сельхозугодий в СХО, КФХ и ЛПХ в 2021 г.
и структурные сдвиги относительно 2016 г.**

Группа районов	Число районов	Группировочные признаки, %	Доля неиспользуемых сельхозугодий, %		Структурный сдвиг, п. п.
			2016	2021	
I	5	До 15	11,5	10,3	-1,2
II	6	С 15 до 30	20,1	21,9	1,9
III	6	Свыше 30	30,2	41,9	11,7
<i>Всего</i>	17	—	19,6	21,4	1,8

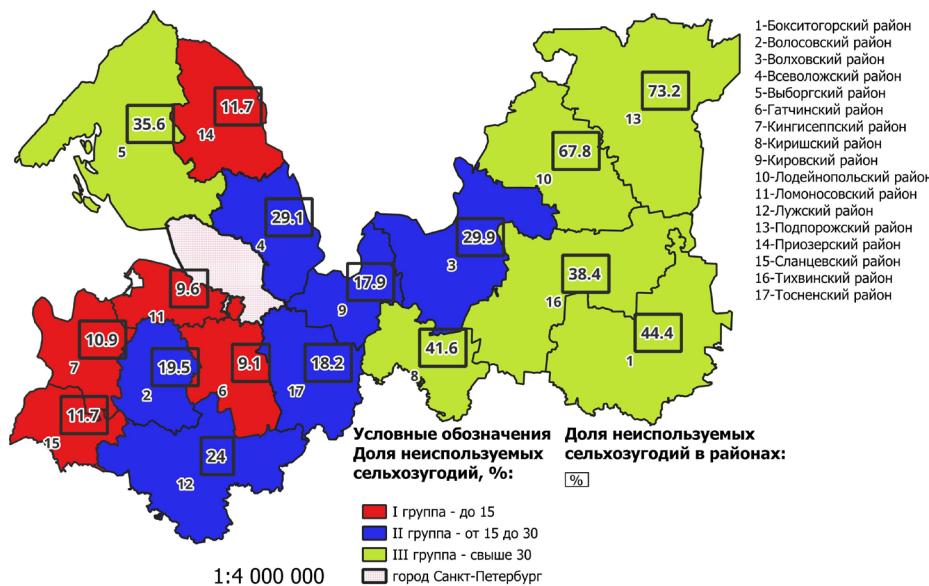

Рис. 3. Группы районов Ленинградской области по удельному весу неиспользуемых сельхозугодий в хозяйствах всех категорий в 2021 г., %

Рассчитано на основе данных сельскохозяйственной микропереписи 2021 г.

Распределение неиспользуемых сельхозугодий по районам Ленинградской области (рис. 3) четко коррелирует с территориальными различиями в темпах прироста сельхозугодий и структурных сдвигах в период между ВСХП-2006 и сельскохозяйственной микропереписью 2021 г.

На рисунке 3 видно, что по показателям доли неиспользуемых сельхозугодий в хозяйствах всех категорий территория Ленинградской области четко делится на три основных ареала. Районы группы I (Гатчинский, Кингисеппский, Ломоносовский и Сланцевский районы) с наименьшим удельным весом неиспользуемых сельхозугодий располагаются к югу и юго-западу от Санкт-Петербурга и входят в группу территорий Ленинградской области с самым высоким рентным потенциалом этого вида земель.

Волосовский и Лужский районы, также входящие в группу с самым высоким рентным потенциалом земель, находятся в составе районов со средними показате-

лями доли неиспользуемых сельхозугодий. Лужский район попал в данную группу по причине периферийного положения и удаленности от Санкт-Петербурга на расстояние свыше 100 км, а неиспользуемые сельхозугодья более близко расположенного Волосовского района, входящего в 2016 г. в группу I, должны быть включены в план первоочередного вовлечения в сельскохозяйственный оборот.

Вне ареала территории с низкой долей неиспользуемых сельхозугодий находится Приозерский район, расположенный на севере Карельского перешейка, то есть на периферии относительно Санкт-Петербурга. По данным предыдущих группировок он входил в число лучших районов Ленинградской области по показателям динамики сельхозугодий, пашни и посевных площадей, имея один из самых низких рентных потенциалов земли, в том числе самый незначительный в регионе показатель бонитета почвы сельхозугодий и пашни (в среднем соответственно 51 и 56 баллов) [26]. Совокупность факторов указывает на то, что Приозерский район должен был объективно входить в группу III по всем рассмотренным нами выше показателям, так же как и соседний Выборгский район, имеющий более выгодное местоположение, так как примыкает южными территориями к Санкт-Петербургу.

Однако определяющую роль в сохранении масштабов сельскохозяйственного землепользования в Приозерском районе предопределила совокупность социально-экономических и институциональных факторов:

- специализация СХО практически исключительно на производстве молока и племенного молодняка способствовала сохранению площади сельскохозяйственных угодий для производства грубых и сочных кормов;
- с дореформенного периода в районе сохранились и получили дальнейшее развитие семь СХО, являющихся племенными заводами по разведению крупного рогатого скота голштинской породы, которые стабильно субсидировались государством;
- сельскохозяйственные организации в сложный период перехода к рыночным отношениям решили проблему стабильного сбыта производимого молока и получения за него справедливой цены, войдя в мае 1995 г. в партнерские отношения с переработчиком — ЗАО «Пискаревский молочный завод»;
- район на протяжении десятилетий строил свою деятельность на основе научно обоснованных стратегий и программ долгосрочного развития экономики, и в настоящее время здесь реализуется муниципальная программа «Развитие агропромышленного комплекса Приозерского муниципального района Ленинградской области» на 2025—2030 годы»;
- на всех звеньях управления в районе традиционно был высокий уровень менеджмента; в разные годы Приозерский район возглавляли будущий председатель Правительства России В. А. Зубков и депутат Государственной думы РФ С. В. Яхнюк.

В ареал, образуемый районами, отнесенными ко группе II, кроме указанных выше Волосовского и Лужского районов, входят три района, непосредственно примыкающие к Санкт-Петербургу (Всеволожский, Кировский и Тосненский), рост площадей неиспользуемых сельхозугодий в которых связан с влиянием на них Санкт-Петербургской агломерации. Волховский район, который также входит в данный ареал, имеет долю неиспользуемых сельхозугодий на уровне 29,9 %, при том что верхняя граница в данной группе составляет 30 %. По сути, Волховский район по своим параметрам ближе к группе III, являясь в перспективе кандидатом на присоединение к ареалу, образуемому северо-восточными и восточными районами области.

Территория, входящая в данный ареал, характеризуется совокупностью предпосылок к дальнейшему росту площадей неиспользуемых сельхозугодий, так как имеет:

- периферийное положение районов в векторе «центр — периферия»;
- неблагоприятное положение районов в векторе «север — юг»;
- относительно низкую освоенность и мелкоконтурность угодий (на северо-востоке не более 10 %), раздробленность площади сельхозугодий, особенно пашни, на мелкие участки;
- в значительной части утраченный производственно-ресурсный потенциал, необходимый для удержания сельхозугодий в категории используемых.

В то же время рентный потенциал земель, в том числе средний балл бонитета пашни и сельхозугодий, кроме Лодейнопольского района, здесь достаточно высок: соответственно 62—63 и 56—57 баллов, что значительно выше, чем на территории Карельского перешейка [26]. Выборгский район в силу схожих условий с рассмотренными территориями востока региона, прежде всего по вектору «север — юг», и самого низкого в Ленинградской области рентного потенциала земли, в том числе самого низкого (46) среднего балла бонитета сельхозугодий, не случайно также оказался в группе III районов с низкой долей их использования. Выборгский район, так же как и Приозерский, располагается вне выделенных ареалов.

Вероятные угрозы сельскохозяйственному землепользованию при условии сохранения существующего тренда трансформации и пути их предотвращения

Пути решения данной проблемы в силу многоаспектной территориальной неоднородности сельхозугодий требуют дифференцированного подхода.

В районах, примыкающих к Санкт-Петербургу, следует ожидать дальнейшего расширения негативного влияния мегаполиса на сельскохозяйственное землепользование: сокращения сельхозугодий, появления новых заброшенных земель. Предполагаемое строительство очередных веток метро: до Экспофорума и Южного города, а также скоростных трамвайных линий до Колпино, Славянки, Южного города и др. может активизировать жилищное строительство в Ломоносовском и Тосненском районах и в связи с этим изъятие новых сельскохозяйственных земель. В настоящее время во Всеволожском, Кировском и Тосненском районах из-за распада части бывших совхозов сформировались заброшенные пригородные земли, не используемые до сих пор под жилищное строительство, объекты промышленности или инфраструктуры. Для данных районов необходимо предусмотреть перевод этих земель из категории сельскохозяйственного назначения в земли населенных пунктов или промышленности.

В районах северо-востока и востока в силу названных выше предпосылок тенденция роста неиспользуемых площадей может усилиться. Для предотвращения данной угрозы можно предложить переход к стратегии дифференцированного использования земель:

1. Достаточно плодородные (как было указано выше) земельные участки включить в систему сельскохозяйственного землепользования КФХ, для чего создать им дополнительные преференции в виде налоговых льгот и субсидий. Возможен вариант использования сельхозугодий для выращивания лекарственных трав, чему благоприятствует состояние окружающей среды в этих районах.

2. Сельхозугодья, разбросанные мелкими контурами среди лесов, застраивающие кустарником и мелколесьем, можно использовать в лесохозяйственных целях, в том числе для развития пчеловодства, выращивания новогодних елок и т. д.

3. Земельные участки, отличающиеся уникальными рекреационными качествами, целесообразно использовать для организации массового отдыха, туризма, создания охотхозяйств и др.

В данной группе районов в хозяйственный оборот могут быть вовлечены наиболее крупные, благоприятно расположенные земельные участки взамен объективно выбывающим сельхозугодьям.

Юго-западные районы (Волосовский, Кингисеппский, Лужский и Сланцевский), имеющие наиболее благоприятные почвенно-климатические условия и высокую распаханность сельхозугодий, должны стать основными объектами в планах по вовлечению неиспользуемых земель в хозяйственный оборот и недопущению их выбытия из него. На территории Карельского перешейка необходимо обратить внимание на вовлечение в оборот земель неиспользуемых естественных кормовых угодий, необходимых здесь для дальнейшего развития молочного скотоводства. В целом существует неотложная необходимость реализации дополнительных мер по стимулированию активизации спроса на землю на территориях с депрессивными процессами в землепользовании с помощью такого института-механизма, как отдельные целевые программы для данных регионов.

Заключение

Проведенное исследование показало наличие серьезных проблем в трансформации системы сельскохозяйственного землепользования, в значительной степени вызванных непродуманной земельной реформой 1990-х гг. Произошло резкое сокращение площадей сельхозугодий, пашни и посевов, у сельских товаропроизводителей появились неиспользуемые земли, а за пределами землепользования хозяйств появились заброшенные земельные участки.

Происходящие структурные изменения имели ярко выраженную территориальную направленность, в том числе в русле векторов «север — юг» и «центр — периферия», под влиянием которых произошла дифференциация районов по остроте проблем сельскохозяйственного землепользования, которая позволяет определить ареалы территории области с однородными условиями. Границы ареалов, выделенных на основании разных признаков, в значительной степени совпадают и близки к существующему варианту сельскохозяйственного районирования, что указывает на достаточную объективность полученных результатов.

Следует отметить, что для данного региона характерным является активная реализация комплекса мер государственной аграрной политики, в том числе по стимулированию инвестиционной и инновационной активности субъектов агробизнеса, что позволило существенно замедлить или смягчить негативное действие рыночных механизмов. Большое значение имел и фактор «зависимости от траектории предшествующего развития», то есть высокий ресурсный потенциал отрасли, накопленный в период плановой экономики, который удалось не только сохранить, но и масштабировать на основе технической переоснащенности производства.

Это позволило, например, Приозерскому району, территория которого имеет неблагоприятное местоположение (север области, периферия) и низкий бонитет почв, при целенаправленном использовании совокупности результивативных социально-экономических и институциональных факторов, определяющих развитие молочного скотоводства, обеспечивать более эффективное использование земель сельскохозяйственного назначения. По рассмотренным выше показателям динамики сельскохозяйственных угодий, пашни и посевных площадей, а также данным о наличии неиспользуемых земель Приозерский район во всех случаях входил в одну

группу с Волосовским, Кингисеппским, Лужским и Сланцевским районами, имеющими наиболее благоприятные почвенно-климатические условия сельскохозяйственного производства.

В результате развития процесса урбанизации на территориях, примыкающих к Санкт-Петербургу, сокращаются масштабы сельскохозяйственного землепользования, появляются заброшенные земельные участки. На более отдаленных территориях области (Бокситогорский, Лодейнопольский и Подпорожский районы) отмечаются наиболее высокие темпы выбытия сельхозугодий из хозяйственного оборота.

При сохранении существующего тренда в динамике снижения площадей сельхозугодий и росте доли неиспользуемых земель вероятно возникновение угроз сельскохозяйственному землепользованию. В силу многоаспектной территориальной неоднородности сельхозугодий меры по предотвращению этих угроз целесообразно осуществлять на основе дифференцированного подхода и реализации отдельных программ. При этом программный подход должен опираться на постоянный мониторинг и глубокий анализ ситуации в районах, в том числе в сравнении с предыдущими годами, с определением при этом достигнутых результатов и возникших территориальных сдвигов с точки зрения востребованности земельных угодий и расширения посевных площадей.

Однако, как справедливо отмечается в [27], при проведении оценки ситуации возникают проблемы с информацией. Основные достаточно подробные источники информации о земельных ресурсах можно получить из итогов Всероссийских сельскохозяйственных переписей, но они проводятся только 1 раз в 10 лет. В промежутках между ними осуществляются сельскохозяйственные микропереписи, в то же время они имеют ограниченный набор показателей. Данные Росреестра и Министерства сельского хозяйства России не всегда совпадают друг с другом, нет сведений в разрезе муниципальных образований внутри субъектов Федерации. Как представляется, цифровая трансформация в АПК, что полностью вписывается в направления государственной аграрной политики по расширению цифровизации в землепользовании и формированию региональных сведений Единой федеральной системы сведений о землях сельскохозяйственного назначения и других баз данных, будет способствовать решению данного вопроса в ближайший период.

Исследования позволяют сделать вывод, что в ходе реализации Госпрограммы по возвращению в оборот ранее выбывших земель необходимы новые механизмы и инструменты для сглаживания территориальных диспропорций в землепользовании, обеспечения обоснованности количественных и временных параметров ожидаемых результатов мероприятий с позиции их реалистичности в условиях современной институциональной среды, при одновременном необходимом ресурсном обеспечении в соответствии с установленными плановыми индикаторами для регионов. Данный вывод подтверждается также другими исследователями, изучающими проблему стратегического развития агропромышленного комплекса в перспективе [28–30].

Происходящие современные территориальные изменения в контексте структурных сдвигов в аграрном землепользовании также актуализируют задачу системного изучения динамики межрегиональной дифференциации, что позволит своевременно выявлять нарастающие тенденции в формировании «точек роста» или «зон депрессии» в процессе развития сельскохозяйственного производства и сельской местности в целом.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки в рамках Госзадания по бюджетной теме №FFZF-2025-0015.

Список литературы

1. Никонова, Г. Н. 2023, Особенности современной институциональной среды земельных отношений в аграрном секторе, *Аграрная наука Евро-Северо-Востока*, т. 24, № 6, с. 1067 – 1076, EDN: XCEGNT, <https://doi.org/10.30766/2072-9081.2023.24.6.1067-1076>
2. Казьмин, М. А. 2016, Трансформация сельскохозяйственного землепользования в регионах России в ходе современных социально-экономических реформ, *Региональные исследования*, № 2 (52), с. 103 – 112, EDN: WHTRIL
3. Мухин, Г. Д. 2012, Эколого-экономическая оценка трансформации сельскохозяйственных земель европейской территории России в 1990 – 2009 гг., *Вестник Московского университета, Серия 5: География*, № 5, с. 19 – 27, EDN: PJQDKB
4. Колбовский, Е. Ю., Климанова, О. А., Бавшин, И. М. 2018, Пространственный анализ факторов и последствий трансформации использования сельскохозяйственных земель в Смоленской области, *Региональные исследования*, № 4 (62), с. 96 – 106, EDN: ZCQOCT
5. Скобеев, Н. М. 2017, Новейшие тенденции в изменении землепользования и специфики их учета на примере Тульской области, *Региональные исследования*, № 4 (58), с. 81 – 92, EDN: YQUELH
6. Сайтова, А. Р. 2018, Пригородное землепользование, как территориальная основа продовольственной безопасности, *Актуальные проблемы экономики, социологии и права*, № 4, с. 44 – 47, EDN: ZAMUBF
7. Трафимов, А. Г., Костяев, А. И. 2018, Особенности функционирования пригородных сельскохозяйственных организаций, *Никоновские чтения*, № 23, с. 151 – 155, EDN: YWBQTJ
8. Белова, Е. В., Розенфельд, Ю. Н. 2015, Влияние урбанизации на использование земель в сельскохозяйственном производстве, *Вестник Московского университета, Серия 6: Экономика*, № 3, с. 60 – 75, EDN: RZWUUKM
9. Hou, D., Meng, F., Prishchepov, A. V. 2021, How is urbanization shaping agricultural land-use? unravelling the nexus be-tween farmland abandonment and urbanization in China, *Landscape and Urban Planning*, № 214, art № 104170, <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2021.104170>
10. Russo, P., Tomaselli, G., Pappalardo, G. 2014, Marginal periurban agricultural areas: A support method for landscape planning, *Land Use Policy*, № 41, p. 97 – 109, <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2014.04.017>
11. Нефедова, Т. Г., Медведев, А. А. 2020, Сжатие освоенного пространства в центральной России: динамика населения и использование земель в сельской местности, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 5, с. 645 – 659, EDN: BFSDZN, <https://doi.org/10.31857/S258755662005012X>
12. Прищепов, А. В., Мюллер, Д., Дубинин, М. Ю., Бауманн, М., Раделофф, В. К. 2013, Детерминанты пространственного распределения заброшенных сельскохозяйственных земель в Европейской части России, *Пространственная экономика*, № 3, с. 30 – 62, EDN: SBPPIR
13. Прищепов, А. В., Шиерхорн, Ф., Мюллер, Д., Курганова, И. Н., Камп, Й., Мейфруа, П. 2017, Исследование изменений землепользования в России и на постсоветском пространстве: состояние исследований и приоритеты, в: *Ландшафтovedение: теория, методы, ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования и устойчивого развития*, Материалы XII Международной ландшафтной конференции, с. 209 – 214, EDN: ZUYSQL
14. Прищепов, А. В., Понькина, Е. В., Сун, Ж., Баворова, М., Екимовская, О. А. 2021, Исследование поведенческих факторов сельхозпроизводителей по вовлечению в оборот заброшенных сельскохозяйственных земель: пример Республики Бурятия, *Пространственная экономика*, т. 17, № 3, с. 59 – 102, EDN: GKHLVK, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.3.059-102>
15. Костяев, А. И., Никонова, Г. Н. 2024, Особенности и тенденции дифференциации сельского пространства Северо-Запада, *Балтийский регион*, т. 16, № 4, с. 72 – 99, EDN: TPQBIH, <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-4>
16. Чибильёв, А. А. 2016, Картографический анализ образования неиспользуемых земель в степной зоне Российской Федерации, *Географический вестник*, № 2 (37), с. 40 – 49, EDN: WGBLQN, <https://dx.doi.org/10.17072/2079-7877-2016-2-40-49>
17. Kumm, K. I., Hessle, A. 2020, Economic Comparison between Pasture-Based Beef Production and Afforestation of Abandoned Land in Swedish Forest Districts, *Land*, vol. 9, № 2, p. 42, EDN: SDFQMV, <https://doi.org/10.3390/land9020042>

18. Цыпкин, Ю. А., Коростелев, С. П. 2024, Альтернативный взгляд на проблему неиспользуемых сельскохозяйственных земель, *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*, №4 (110), с. 71—77, EDN: XGDAXX, <https://doi.org/10.33938/244-71>
19. Rolinski, S., Müller, C., Prishchepov, A. V., Guggenberger, G., Bischoff, N., Kurganova, I., Schierhorn, F., Müller, D. 2021, Dynamics of soil organic carbon in the steppes of Russia and Kazakhstan under past and future climate and land use, *Regional Environmental Change*, vol. 21, №3, EDN: YQJHYV, <https://doi.org/10.1007/s10113-021-01799-7>
20. Guggenberger, G., Bischoff, N., Shibalova, O., Muller, K., Rolinsky, S., Puzanov, A., Prishchepov, A. V., Sherhorn, F., Mikutta, R. 2021, Chapter 13, interactive effects of land use and climate on the accumulation of organic carbon in steppe soils of western Siberia, in: *Kulunda: agriculture and low-emission technologies of sustainable land use. A collective monograph*, Barnaul, p. 217—237.
21. Bell, S. M., Prishchepov, A. V., Schillaci, C., Goll, D., Ciais, P. 2023, Historical and future perspectives of agricultural land abandonment and carbon sequestration, *EGU General Assembly*, Vienna, Austria, p. 24—28, Apr, EGU23-14564, <https://doi.org/10.5194/egusphere-egu23-14564>
22. Рябцев, В. М. 1996, Критериальные подходы к оценке меры различий структуры региональной экономики по формам собственности, в: Рябцев, В. М., Материалы Всероссийского научного семинара «Реализация и эффективность новых форм экономических отношений», Самара, с. 8—10.
23. Перстенева, Н. П. 2012, Количественные методы измерения трансформации социально-экономических систем, Самара, 80 с., EDN: TWYESD
24. Федорченко, А. В. 2017, Количественная оценка и картографирование территориальных сдвигов в отраслях мирового хозяйства, *Вестник Московского университета, Серия 5: География*, 2017, №1, с. 13—19, EDN: YHPLQB
25. Костяев, А. И. 2025, Трансформация сельского пространства в регионах с крупным мегаполисом, *АПК: экономика, управление*, №3, с. 32—41, EDN: LITICX, <https://doi.org/10.33305/253-32>
26. Суханов, П. А. 2024, Такие разные почвы и земли, *Сельскохозяйственные вести*, №2, с. 52—53, URL: <https://agri-news.ru/zhurnal/2024/2-2024/takie-raznye-pochvy-i-zemli/> (дата обращения: 17.06.2025).
27. Шагайда, Н. И., Светлов, Н. М., Узун, В. Я., Логинова, Д. А., Прищепов, А. В. 2018, Потенциал роста сельскохозяйственного производства России за счет вовлечения в оборот неиспользуемых сельскохозяйственных угодий, М., РАНХиГС, 70 с., EDN: VMKUQA
28. Ушачев, И. Г., Колесников, А. В. 2024, О необходимости корректировки Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года, *АПК: экономика, управление*, №9, с. 3—14, EDN: ODFGAF, <https://doi.org/10.33305/249-3>
29. Петриков, А. В. 2022, Приоритеты и механизмы развития сельского хозяйства в России и ее регионах в новой реальности, *Федерализм*, т. 27, №2 (106), с. 122—142, EDN: MVYPQX, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-2-122-142>
30. Ушачев, И. Г., Маслова, В. В., Зарук, Н. Ф., Авдеев, М. В. 2022, Механизмы инвестиционного процесса в аграрном комплексе России, *Вестник Российской академии наук*, т. 92, №2, с. 140—149, EDN: WUHUMW, <https://doi.org/10.31857/S0869587322020104>

Об авторе

Галина Николаевна Никонова, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт аграрной экономики и развития сельских территорий, Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-7605-0237>

E-mail: galekos@yandex.ru

DYNAMICS OF THE TERRITORIAL STRUCTURE OF AGRICULTURAL LAND USE IN THE LENINGRAD REGION

G. N. Nikonova

Saint Petersburg Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences,
14th Line, 39 Vasilyevsky Island, St. Petersburg, 199178, Russia

Received 30 August 2025
Accepted 31 October 2025
doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-7
© Nikonova, G. N., 2025

This study aims to examine the current state and prospects of the territorial transformation of agricultural land use, with a view to identifying key development trajectories and potential risks associated with returning unused land to economic circulation. The analysis focuses on agricultural land use in the Leningrad region, a territory with a highly developed agricultural sector and an important part of the Baltic Sea region. The methodological approach combines an assessment of spatial changes in the territorial structure of agricultural land use with an examination of structural shifts in the distribution of farmland, arable land, and sown areas. Indicators of structural change and their growth rates were analysed at the municipal-district level between the 2006 All-Russian Agricultural Census and the 2021 microcensus. The study traces the intensity of territorial shifts in agricultural land use across three periods (1990–2006, 2006–2016, and 2016–2021) and identifies the main characteristics and directions of these transformations, including north–south and centre–periphery patterns. Particular attention is paid to the influence of urbanisation on territorial change, especially in areas bordering Saint Petersburg. The analysis also highlights spatial differentiation within the region and identifies three principal zones of unused farmland. The case of the northern, peripheral Priozersk District shows that, when supported by favourable socioeconomic and institutional conditions, agricultural land can retain its value for agribusiness despite broader structural pressures. The study concludes by outlining region-specific approaches to mitigating potential risks to agricultural land use, assuming that current transformation trends continue.

Keywords:

territorial shifts, municipal districts, areas, unused lands, land use, Leningrad region

Funding. This study was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation as part of the State Assignment, project №FFZF-2025-0015.

References

1. Nikonova, G. N. 2023, Features of the modern institutional environment of land relations in the agricultural sector, *Agricultural Science Euro-North-East = Agrarnaya nauka Evro-Severo-Vostoka*, vol. 24, № 6, p. 1067–1076, <https://doi.org/10.30766/2072-9081.2023.24.6.1067-1076>
2. Kazmin, M. A. 2016, Transformation of agricultural land use in Russian regions in the course of modern socioeconomic reforms, *Regional Research*, № 2, p. 103–112 (in Russ.).
3. Mukhin, G. D. 2012, Ecological-economic assessment of land use structure within the European territory of Russia during two recent decades, *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya Geografiya*, № 5, p. 19–27 (in Russ.).

4. Kolbovskiy, E. Yu., Klimanova, O. A., Bavshin, I. M. 2018, Spatial analysis of determinants and consequences of land use changes in agricultural lands of Smolensk oblast, *Regional Research*, № 4, p. 96—106 (in Russ.).
5. Skobeev, N. M. 2017, Latest trends in land use change and its accounting specifics (Tula oblast case), *Regional Research*, № 4, p. 81—92 (in Russ.).
6. Saitova, A. R. 2018, Suburban land use as a territorial basis of food security, *Current issues in economics, sociology and law*, № 4, p. 44—47 (in Russ.).
7. Trafimov, A. G., Kostyaev, A. I. 2018, Features of the functioning of suburban agricultural organizations, *Nikon Readings*, № 23, p. 151—155 (in Russ.).
8. Belova, E. V., Rozenfeld, Yu. N. 2015, The impact of urbanization on agricultural land use, *Moscow University Economics = Bulletin Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriâ 6, Èkonomika*, № 3, p. 60—75 (in Russ.).
9. Hou, D., Meng, F., Prishchepov, A. V. 2021, How is urbanization shaping agricultural land use? unravelling the nexus between farmland abandonment and urbanization in China, *Landscape and Urban Planning*, № 214, art № 104170, <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2021.104170>
10. Russo, P., Tomaselli, G., Pappalardo, G. 2014, Marginal periurban agricultural areas: A support method for landscape planning, *Land Use Policy*, № 41, p. 97—109, <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2014.04.017>
11. Nefedova, T. G., Medvedev, A. A. 2020, Shrinkage of active space in central Russia: Population dynamics and land use in countryside, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk Seriya Geograficheskaya*, № 5, p. 645—659, <https://doi.org/10.31857/S258755662005012X>
12. Prishchepov, A. V., Müller, D., Dubinin, M., Baumann, M., Radeloff, V. C. 2013, Determinants of the spatial distribution of abandoned agricultural lands in the European part of Russia, *Spatial Economics*, № 3, p. 30—62 (in Russ.).
13. Prishchepov, A. V., Schierhorn, F., Müller, D., Kurganova, I. N., Kamp, J., Meyfroy, P. 2017, Research on land use changes in Russia and the post-Soviet space: research status and priorities, in: *Landscape science: theory, methods, landscape-ecological support for nature management and sustainable development*, Proceedings of the XII International Landscape Conference, p. 209—214 (in Russ.).
14. Prishchepov, A. V., Ponkina, E. V., Sun, Z., Bavorova, M., Yekimovskaja, O. A. 2021, Study of farmer's behavior in recultivation of abandoned farmland: Example of the Republic of Buryatia, *Spatial Economics*, vol. 17, № 3, p. 59—102, <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.3.059-102>
15. Kostyaev, A. I., Nikonova, G. N. 2024, Dynamics of differentiation of rural North-West of Russia: main trends and features, *Baltic Region*, vol. 16, № 4, p. 72—99, <https://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-4>
16. Chibilyov, A. A. 2016, Cartographic analysis of unused land emergence in the steppe zone of the Russian Federation, *Geographical bulletin*, № 2, p. 40—49, <https://dx.doi.org/10.17072/2079-7877-2016-2-40-49>
17. Kumm, K.-I., Hesse, A. 2020, Economic Comparison between Pasture-Based Beef Production and Afforestation of Abandoned Land in Swedish Forest Districts, *Land*, vol. 9, № 2, <https://doi.org/10.3390/land9020042>
18. Tsyplkin, Yu. A., Korostelev, S. P. 2024, An Alternative view on the problem of unused agricultural land, *Economy, labor, management in agriculture*, № 4, p. 71—77, <https://doi.org/10.33938/244-71>
19. Rolinski, S., Müller, C., Prishchepov, A. V., Guggenberger, G., Bischoff, N., Kurganova, I., Schierhorn, F., Müller, D. 2021, Dynamics of soil organic carbon in the steppes of Russia and Kazakhstan under past and future climate and land use, *Regional Environmental Change*, vol. 21, № 3, <https://doi.org/10.1007/s10113-021-01799-7>
20. Guggenberger, G., Bischoff, N., Shibliova, O., Muller, K., Rolinsky, S., Puzanov, A., Prishchepov, A. V., Sherhorn, F., Mikutta, R. 2021, Chapter 13, interactive effects of land use and climate on the accumulation of organic carbon in steppe soils of western Siberia, in: *Kulunda: agriculture and low-emission technologies of sustainable land use. A collective monograph*, Barnaul, p. 217—237.
21. Bell, S. M., Prishchepov, A. V., Schillaci, C., Goll, D., Ciais, P. 2023, Historical and future perspectives of agricultural land abandonment and carbon sequestration, *EGU General Assembly*, Vienna, Austria, p. 24—28, Apr, EGU23-14564, <https://doi.org/10.5194/egusphere-egu23-14564>

22. Ryabtsev, V. M. 1996, Criterial approaches to assessing the degree of differences in the structure of regional economies by forms of ownership, in: Ryabtsev, V. M. *Proceedings of the All-Russian scientific seminar “Implementation and effectiveness of new forms of economic relations”*, Samara, p. 8–10 (in Russ.).
23. Persteneva, N. P. 2012, *Quantitative Methods for Measuring the Transformation of Socio-Economic Systems*, Samara, 80 p. (in Russ.).
24. Fedorchenko, A. V. 2017, Quantitative evaluation and mapping of territorial shifts in the world economy branches, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk Seriya Geograficheskaya*, № 1, p. 13–19 (in Russ.).
25. Kostiaev, A. I. 2025, Transformation of rural space in regions with large megalopolises, *AIC: economics, management*, № 3, p. 32–41, <https://doi.org/10.33305/253-32>
26. Sukhanov, P. A. 2024, Such different soils and lands, *Agricultural News*, № 2, p. 52–53 (in Russ.), URL: <https://agri-news.ru/zhurnal/2024/2-2024/takie-raznye-pochvy-i-zemli/> (accessed 17.06.2025).
27. Shagaida, N. I., Svetlov, N. M., Uzun, V. Ya., Loginova, D. A., Prishchepov, A. V. 2018, *Potential for growth of agricultural production in Russia due to the involvement of unused agricultural land in circulation*, Moscow, 70 p. (in Russ.).
28. Ushachev, I. G., Kolesnikov, A. V. 2024, On the need to adjust the strategy for the development of agro-industrial and fisheries complexes of the Russian Federation for the period up to 2030, *AIC: economics, management*, № 9, p. 3–14 (in Russ.), <https://doi.org/10.33305/249-3>
29. Petrikov, A. V. 2022, Priorities and mechanisms of agricultural development in Russia and its regions in the new reality, *Federalism*, vol. 27, № 2, p. 122–142 (in Russ.), <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-2-122-142>
30. Ushachev, I. G., Maslova, V. V., Zaruk, N. F., Avdeev, M. V. 2022, Mechanisms of the investment process in the agricultural complex of Russia, *Herald of the Russian Academy Of Sciences*, vol. 92, № 2, p. 140–149 (in Russ.), <https://doi.org/10.31857/S0869587322020104>

The author

Prof **Galina N. Nikonova**, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow, Institute of Agrarian Economics and Rural Development, Saint Petersburg Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-7605-0237>

E-mail: galekos@yandex.ru